

Конфликт внутри команды вскоре закончился. Игроки с трудом разняли двух мужчин, а затем развели их далеко друг от друга. Тренеры тоже были вовлечены. Джордж Вуд взял на себя ответственность капитана команды и крепко вцепился в Чимбонду, который яростно сопротивлялся. Он кричал на него низким голосом. Что он кричал, никто не знал. Сцена была настолько хаотичной, что никто больше не мог его услышать.

Двое мужчин, которых оттащили друг от друга, смотрели друг на друга. Ни один из них не хотел оставить это дело. Товарищи по команде, разнимавшие их, тоже боялись ослабить хватку, опасаясь, что, отпустив их, они набросятся друг на друга и снова устроят потасовку.

Постепенно шум утих, и наступил момент, когда на тренировочной площадке стало необычайно тихо. Только несколько человек задыхались. Возможно, из-за ситуации, которая заставила всех чувствовать себя неловко, они не знали, что сказать.

Раньше, когда атмосфера в команде Леса была хорошей, почти не было ссор, не говоря уже об обмене ударами. Они шутили, когда было время повеселиться, но в этот раз был настоящий гнев.

Тони Твен, который холодно наблюдал за шоу со стороны, наконец, вышел вперед.

Он появился перед толпой, все еще в солнцезащитных очках.

Когда они увидели, что он вышел вперед, на сцене стало так тихо, что не было слышно даже задыхающихся людей. Любому дураку было бы ясно, что босс разгневан.

Если Твен преувеличенно размахивал руками и изрыгал нецензурные выражения, это не означало, что он был зол. В основном это происходило потому, что ему нужно было играть роль. Когда он действительно злился, то обычно выглядел очень спокойным. У него не было красного лица, из которого летели брызги слюны, и он не делал разнообразных забавных и преувеличенных движений.

Твен стоял перед всеми без всякого выражения. Он по-прежнему носил солнцезащитные очки, поэтому никто не мог видеть выражение его глаз.

Твен стоял перед толпой и не сразу заговорил. Он посмотрел на Бендтнера, которого кто-то удерживал, затем на Чимбонду, которого крепко держал Джордж Вуд. Затем он посмотрел на других людей, которые были в растерянности.

"Похоже, ты не пострадал, Ник". наконец заговорил Твен, и никто не смог уловить в его тоне даже малейшего намека на гнев. Это было именно то, что заставляло всех бояться: затишье перед бурей. "Я подумал, что ты сломал ногу, когда увидел, как ты так болезненно катаешься по земле. Если бы это было на поле во время игры, то ублюдок, который тебя толкнул, наверняка получил бы красную карточку. Похоже, я слишком много беспокоюсь. Ты достаточно зол, чтобы ударить кого-то, и ты все еще достаточно силен".

Дыхание Бендтнера начало выравниваться. После импульсивного движения к нему вернулся рассудок. Он почувствовал, что немного перестарался, но, чтобы не показать слабость перед врагом, выражение его лица оставалось свирепым.

Затем Твен повернулся и посмотрел на Чимбонду. "Я уже говорил, что этот вид поединка развивает твою конкурентоспособность, но есть оговорка. Это матч внутри команды, и ваши противники - не какие-то зловещие враги, а ваши собственные товарищи по команде. Я буду признателен, если ты серьезно подумаешь об этом, прежде чем сделать шаг ногами, Паскаль".

Словно не слыша слов Твена, Чимбонда все еще смотрел кинжалами на Бендтнера, который дрался с ним и остался безнаказанным.

Твен кивнул Флемингу, лидеру команды врачей рядом с ним. "Уведи Ника на обследование". Флеминг кивнул и оттащил Бендтнера в сторону.

Датчанин хотел воспользоваться возможностью дать себе выход, поэтому не стал сопротивляться и послушно пошел следом.

"Я заметил ненормальное настроение в команде в последнее время, и я знаю его причину. Поэтому в последние дни я размышлял над этой проблемой". Твен снял солнцезащитные очки и посмотрел на стоящих перед ним людей. "Мы проиграли только две игры, свели вничью одну игру и не выиграли два раунда до сих пор. Такие небольшие взлеты и падения - это вообще ничто для зрелой профессиональной команды. В мире нет команды, которая будет выигрывать каждую игру и никогда не проигрывать. Арсенал" - очень хорошая команда с сорока девятью непобежденными матчами. Но разве они не потерпели поражение и в пятидесятой игре? Итак, интересно, почему мы так уязвимы, когда сталкиваемся с неудачей? Как лучший студент, который никогда не проваливал экзамены, плачет, получив восемьдесят процентов на экзамене. Это так неловко". Он развел руками.

Твен не ругал словом "f**king" и не выплескивал свой гнев, как бурю. Он вразумлял своих игроков, но от этого выглядел еще более устрашающе.

"Может быть, мне специально позволить нашей команде проиграть десять игр, чтобы вы могли извлечь уроки и опыт, как противостоять неудачам? И случайным несчастьям в жизни?"

Твен сделал паузу.

"Подумайте о том сезоне, когда мы только вернулись в английскую Премьер-лигу, и еще раз подумайте о том сезоне, когда мы проиграли финал Лиги чемпионов... Была ли в жизни более болезненная неудача, чем эта? Мы не сломались после такой неудачи и вернулись через сезон, чтобы выиграть титул Лиги чемпионов. Но почему вы не можете выдержать неудачу после того, как получили титул? Итак, я размышлял о том, из-за чего психическая устойчивость каждого человека стала такой хрупкой и что привело к сегодняшнему инциденту. Я думал об этом несколько дней и думаю, что дело в изменении менталитета. Выигрыш чемпионского титула сделал нас гордыми и высокомерными. Я думаю, что гордость - это хорошо, и что молодые люди должны быть гордыми и высокомерными. Иначе мы не сможем быть высокомерными в старости, даже если захотим. Суть в том, что нельзя стать высокомерным только потому, что ты выиграл чемпионский титул, но ты должен быть высокомерным от природы. Даже если я проигрываю игру, я все равно высокомерен. Я не хочу пожимать руки людям, которые хотят выразить мне сочувствие". Твен улыбнулся, но никто не улыбнулся вместе с его банальной шуткой.

"Некоторые люди говорят, что "Ноттингем Форест" - это команда, которая "не может позволить себе проиграть". Что означает это "не может позволить себе проиграть", ребята? Это не значит, что мы будем подавлены и повергнуты в смятение только потому, что проиграли игру. Это значит, что мы не смирились с проигрышем и хотим отыграться! Это значит, что то, что мы теряем в одной игре, мы собираемся отыграть в следующей! Мне нравится этот ярлык. Я человек, который просто не может позволить себе проиграть! Неудача делает меня только безумнее, как бешеную собаку, которая хочет загрызть каждого встречного и не превратиться в тупую свинью, которую кастрировали!" Наконец его голос стал громче, и его эмоции взорвались. "Какой смысл выплескивать свой гнев на товарищей по команде и вызывать

внутренние раздоры? Так поступил бы человек без яиц. Ты расстроен, ты хочешь доказать свои способности, ты хочешь стремиться к лучшему обращению, так не перепутай цель своего выступления. Направь этот огонь в своем сердце на своих противников и врагов! Не на своих!" прорычал Твен.

"Я не хочу, чтобы подобное повторилось в будущем. Человек, который осмеливается устраивать внутренние раздоры, - трус. Паскаль, иди в резервную команду и успокойся на неделю. Через некоторое время Ник тоже пойдет в резервную группу. Надеюсь, вы оба научитесь ладить с людьми в резерве". Твен, наконец, обнародовал свое решение о наказании за конфликт. То, что оба игрока отправились в резерв, не было неожиданностью.

Чимбонда молча принял наказание. На самом деле, не имело значения, если бы он не согласился, потому что его собственная воля была ничтожна в Уилфорде, где единственным хозяином, королем и единственным истинным Богом был только Тони Твен. Его слово было управленческим законом, который управлял всеми правилами поведения. Если он говорил, что один плюс один равно один, то так оно и было - один плюс один равно один. Никому не разрешалось поднимать руку, чтобы сказать: "Босс, вы ошибаетесь. Это равно двум".

"Наконец, последнее, что я хочу увидеть завтра в газетах, это хоть слово об этом инциденте. На месте происшествия не было ни одного СМИ, так что если хоть одно СМИ сообщит об этом, вы поймете, что это значит". Твен произнес свою угрозу с холодным лицом. Он не просто сделал устное предупреждение. Вспомнив, что произошло с Анелька, который был против него, и Эшли Янгом, который спровоцировал его ложью... Если только они не хотели покинуть команду "Форест", они должны были слушаться его, пока играли за него.

"Сегодняшняя тренировка..." Он оглядел окружающих тренеров, и Керслэйк покачал головой: "Заканчивайте здесь. Вы свободны. Отправляйтесь домой! Вернись и подумай о том, что я сказал сегодня, надеюсь, это поможет тебе в твоей жизни в будущем".

□□□

По дороге домой Данн обратился к Твену. "Я думал, что вы впадете в ужасную ярость, когда подошли туда".

"Я собирался, но заставил себя сначала успокоиться и рассудить их. Управление людьми - это особый навык. Простые и грубые методы не подходят, а я управляю группой самопровозглашенных звезд с большой буквы". Твен фыркнул.

"Что ж, у меня есть вопрос. Вы действительно думали над этим вопросом эти несколько дней? Вместо того, чтобы беспокоиться о череде поражений и повсеместных травмах?"

Твен взглянул на Данна. "Ты слишком много времени проводишь вместе с Танг Цзин и усвоил некоторые из ее плохих привычек. Конечно, я думал об этой глубокой философии жизни. Как вы думаете, чем я занимался?"

Данн знал, что Твен не скажет правду, но не стал допытываться дальше. Твен был эксцентричным персонажем. Он мог отвернуться и забыть свои предыдущие слова. Если бы он всерьез затеял с ним спор, ему бы не повезло, и он бы пострадал от этого.

Подумав немного, Твен нарушил молчание. "Приезжай ко мне и поужинай сегодня вечером. Шанайа приготовила вкусную еду..."

Данн изменился в лице и ответил: "Нет, у меня есть кое-что еще..."

Твен внезапно потянул его назад. "Ну же, ну же! Шанайа была очень занята. Она наконец-то смогла вернуться и была очень рада приготовить для нас еду. Неужели ты хочешь ее разочаровать?"

подумал Данн. Совершенно очевидно, что она специально приготовила еду для вас. Когда это было "мы"? Ты просто не хочешь страдать в одиночестве, вот и тащишь меня за собой, чтобы я разделил твою участь, верно? Но как человек, не умеющий отказывать людям, он просто кивнул. "Хорошо..."

Твен счастливо улыбнулся. "Это мой хороший брат! Мы держимся вместе через толстые и тонкие слои и разделяем удачу друг друга!"

Вообще-то, вторую половину предложения можно было и не заканчивать... Данн снова задумался.

Вечером двое мужчин, Данн и Твен, беззаботно улыбались, заканчивая ужин под улыбающимся взглядом Шанайи. Твен видел, как лицо Шанайи наполняется яркой улыбкой, и не мог не похвалить ее. "Это было восхитительно, как будто я не наелся..."

Не успел он договорить, как понял, что что-то не так. Но было слишком поздно менять свою точку зрения.

"Это здорово!" Шанайа захопала. "Дядя Тони, раз тебе так нравится... теперь, когда я не так занят в это время и у меня есть много времени, чтобы побыть в Ноттингеме, я буду готовить для тебя каждый день!".

Твену очень захотелось дать себе пощечину. Зря я это сказал, посмотрите, что получилось... теперь мне придется за это расплачиваться.

Данн поспешно встал, услышав слова Шанайи. "Я... у меня есть еще кое-что, так что я сначала вернусь... Спасибо, Шанайа, за гостеприимство..." Закончив, он быстро ускользнул.

Твен встал и хотел было погнаться за ним, но, повернув голову и увидев, что Шанайа с улыбкой смотрит перед собой, он указал на обеденный стол. "Я помогу тебе... э-э, убрать это".

"В этом нет необходимости". Шанайа улыбнулась и покачала головой: "Я сделаю это сама. У тебя будет несварение желудка, если ты будешь напрягаться после ужина".

Твен подумал, что независимо от того, напряжется он или нет, он не сможет переварить еду. "Это касается сильных физических нагрузок. Есть старая китайская поговорка: Пройди сто шагов после еды, и ты проживешь до девяноста девяти. Больше двигайтесь после ужина - это поможет пищеварению".

Шанайа расширила глаза в явном неверии. Твен не стал дожидаться ее согласия и взял тарелки из рук девушки. Он отнес их на кухню, поставил в раковину и принялся мыть посуду.

После того как Шанайа вытерла стол, она встала рядом с ним, чтобы помочь ему. На самом деле помогать было нечем. Твен справлялся один. Она стояла здесь, чтобы просто наблюдать.

"Здесь нечем заняться, Шанайа. Ты можешь пойти посмотреть телевизор", - сказал Твен девушке, стоявшей позади него, пока он работал.

"Что можно посмотреть по телевизору?" Шанайа хихикнула и не сдвинулась с места: "Когда я

свободна ночью, я просто смотрю телевизор в отеле. Мне надоедает его смотреть".

Твену показалось странным, что такая известная модель, как Шанайа, может оставаться в отеле, чтобы смотреть телевизор по ночам. "Разве у тебя нет вечеринок, на которые ты должна ходить?".

"Да, довольно много. Но я их не люблю".

Твен оглянулся на нее. "Так что же тебе нравится?"

"Здесь довольно мило".

Они встретились взглядами, и Твен отвернулся, чтобы помыть посуду.

Он кое-что понял.

Он солгал, когда Данн спросила его, действительно ли он думает об этих проблемах. На самом деле он не думал о сложной философии жизни. У него было плохое настроение и чувство тревоги. Но теперь все эти негативные чувства внезапно исчезли. Он почувствовал, что у него очень хорошее настроение, и ему даже захотелось свистеть и петь.

Почему?

Шанайа стояла позади него и тихонько напевала песню.

Да, почему?

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2061430>